

Сообщение Миссии Чехословакии в СССР Министерству иностранных дел Чехословакии об откликах в Советском Союзе на нормализацию дипломатических отношений

Москва

22 июня 1934 г.

Признание Советского Союза Чехословакией и Румынией, осуществленное путем обмена письмами между министром иностранных дел Чехословакии д-ром Э. Бенешем и народным комиссаром иностранных дел М. Литвиновым в Женеве 9 июня с. г.¹, было принято советской печатью и общественностью с нескрываемой радостью и удовлетворением. Об этом свидетельствуют как отклики печати², которые уже опубликованы в «Ежедневном обзоре» министерства, так и те статьи, вырезки из которых миссия одновременно посылает под № 5068/34.

В Комиссариате иностранных дел акт подписания был встречен с одобрением. В создавшейся международной обстановке это приобретает особенно важное значение. Из разговора об этом с заведующим II Западноевропейским отделом г. Штерном выяснилось, что непризнание СССР Югославией в отличие от двух других государств Малой Антанты вызвало в Комиссариате иностранных дел определенное разочарование. Этот факт объясняют скорее влиянием русской эмиграции, чем сопротивлением югославского двора.

Само признание, несомненно, будет оказывать благотворное влияние на оживление чехословацко-советской внешней торговли, которая в последнее время была неблагоприятной для Чехословакии. Согласно данным советского обзора, за апрель 1934 г. ее оборот достиг только 44 000 руб. Это минимальная цифра, которую в последние годы отметила советская статистика торговых связей с Чехословакией.

Я знаю, что уже открываются перспективы заключения новых контрактов и что в Народном комиссариате внешней торговли состоялось конфиденциальное заседание, на котором обсуждались возможности перевода заказов из некоторых других государств в Чехословакию. Нельзя, конечно, ожидать еще в этом году особенно значительных заказов, так как Чехословакия не была включена в экспортный план крупных заказов, составленный перед началом года. Но, несмотря на это, открывается подающий надежды путь в будущее. Натянутые отношения с Германией, внешним проявлением которых явилась отставка посла Надольного, могла бы при надлежащем и оперативном использовании принести чехословацкой промышленности еще в этом году часть заказов, которые иначе бы перешли к Германии.

Народный комиссариат иностранных дел интересовался также намерениями чехословацкого правительства относительно мест, в которых оно собирается учредить консульства, и вопросами, касающимися личностей руководителей учреждений, и т. п.

По этим вопросам я не мог высказаться, не имея никаких инструкций и сведений. О самом признании я узнал из советского радио и советских газет.

Копию сообщения посылаю к сведению миссии Чехословацкой республики в Варшаве.

М. Черны

*AFMZV, Praha, PZ Moskva 1934,
č. 44, č. j. 82497/11—2/34.
Подлинник. Перевод с чешского.*

¹ См.: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. II, с. 593—594.

² Установление дипломатических отношений между Чехословакией и СССР в передовой статье газеты «Правда» оценивалось как акт, «являющийся еще одним дополнителным звеном в длинной цепи мероприятий к укреплению мира, неуклонно проводимых Советским Союзом» («Правда», 1934, 10 июня). Газета «Известия» в передовой статье писала об установлении дипломатических отношений между двумя странами как о значительном вкладе «в арсенал средств, которыми будут располагать государства, борющиеся за всемерную отсрочку военной развязки» («Известия», 1934, 10 июня).

7

Из записки беседы полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского¹ с министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем о международном положении и перспективах заключения Восточного пакта

Прага

27 июня 1934 г.

Был у Бенеша. Я начал с того, что коротко повторил основное содержание нашего предыдущего разговора в части, касавшейся оценки международного положения, перспектив для заключения Восточного пакта и ближайших практических шагов для осуществления этой задачи². Бенеш с охотой подтвердил правильность моего изложения, после чего я ему сказал, что я докладывал об этом нашем разговоре наркому т. Литвинову и сейчас имею поручение от него сказать Бенешу еще лишний раз о полном совпадении наших хода мыслей и предположений в этой области³. Нарком Литвинов с чувством большого удовлетворения узнал из моего доклада, что предположения, касающиеся дальнейших шагов на пути к осуществлению этой задачи, выглядят совершенно одинаково как у Бенеша, так и у Литвинова.

Бенеш коротко, но в очень любезной форме ответил, что и он чувствует глубокое удовлетворение по этому поводу и просит довести об этом до сведения Литвинова. Я продолжал в том духе, что здесь будет излишним напомнить, что Литвинов еще в Женеве определенно обращал внимание французов на необходимость давления на Англию, которая могла бы воздействовать на Германию⁴.

С другой стороны, я могу сообщить Бенешу, что Литвинов после своего разговора с Нейратом⁵ в Берлине⁶ уже имел возможность указать французам на необходимость энергичного воздействия на Варшаву и, может быть, даже в первую очередь именно на Варшаву⁷. Здесь снова будет весьма к месту сказать, что средства давления, имеющиеся у Франции, смело можно считать достаточными для того, чтобы понудить Польшу принять участие в проектируемом Восточном пакте.

Бенеш перебил меня весьма энергичным подтверждением, что и он считает средства давления Франции на Польшу определенно достаточными для достижения этой цели, а вхождение Польши в пакт обозначало бы и присоединение к нему Германии. Дальше Бенеш в оживленном тоне сказал, что он в свою очередь имеет ряд конфиденциальных сообщений для Литвинова. Хотя я еще не кончил, я решил не мешать Бенешу и вернуться к моим заявлениям позже.

Бенеш говорил по пунктам: 1) Бенеш считал, что в вопросе Восточного пакта нужно действовать «с открытым забралом», прямо и искренне для того, чтобы не могло возникнуть каких-нибудь сомнений о харак-